

Безъ сна, горятъ и плачутъ очь,
 На сердцѣ—жадная тоска;
 Дрожа, холодная рука
 Подушку жаркую объемлетъ;
 Невольный страхъ власы подъемлетъ;
 Болѣзненный, безумный крикъ
 Изъ груди рвется—и языкъ
 Лепечетъ громко, безъ сознанья,
 Давно забытыя названья;
 Давно забытыя черты
 Въ сѣяніи прежней красоты
 Рисуетъ память своевольно:
 Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
 И вѣришь снова имъ невольно,
 И какъ-то весело и больно
 Тревожить язвы старыхъ ранъ...
 Тогда пишу. Дикую советъ,
 Перомъ сердитый водить умъ:
 То соблазнительная повѣсть
 Скрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
 Картины хладныя разврата,
 Преданья глупыхъ юныхъ дней,
 Давно безъ пользы и возврата
 Погибшихъ въ омутъ страстей,
 Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
 Среди обманщицъ и невѣждъ,
 Среди сомнѣній ложно-черныхъ
 И ложно-радужныхъ надеждъ.
 Судья безвѣстный и случайный,
 Не дорожа чужою тайной,
 Приличьемъ скрашенный порокъ
 Я смѣло предаю позору;
 Неумолимъ я и жестокъ...
 Но, право, этихъ горькихъ строкъ
 Неприготовленному взору
 Я не рѣшусь показатъ...
 Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
 Къ чему толпы неблагодарной
 Мнѣ злость и ненависть навлечетъ,
 Чтобъ бранью назвали коварной
 Мою пророческую рѣчь?
 Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
 Смутилъ ребенка сонъ покойный
 И сердце слабое увлечъ
 Въ свой необузданный потокъ?
 О нѣтъ! преступною мечтою
 Не ослѣпя мысль мою,
 Такой тяжелою цѣною
 Я вашей славы не куплю..

Воздушный корабль.

изъ цѣдлица.

По синимъ волнамъ океана,
 Лишь звѣзды блеснуть въ небесахъ,
 Корабль одинокій несется,
 Несется на вѣхъ парусахъ.
 Не гнутся высокія мачты,
 На нихъ флюгера не шумятъ,
 И, молча, въ открытые люки
 Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
 Не видно матросовъ на немъ;
 Но скалы и тайныя мели,
 И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
 Пустынный и мрачный гранитъ;
 На островъ томъ есть могила,
 А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ.
 Врагами въ сыпучій песокъ;
 Лежитъ на немъ камень тяжелый,
 Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ

И въ часъ его грустной кончины
 Въ полночь, какъ свершается годъ,
 Къ высокому берегу тихо
 Воздушный корабль пристаеъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
 Очнувшись, является вдругъ;
 На немъ треугольная шляпа
 И стѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
 Главу опустивши на грудь,
 Идетъ и къ рулю онъ садится,
 И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи ми
 Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
 Оставилъ наследника-сына
 И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
 Завидитъ во мракѣ nocturno,
 Опять его сердце трепещетъ,
 И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
 Онъ смѣло и прямо идетъ,
 Соратниковъ громко онъ кличетъ
 И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спать усади-гренадеры—
 Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
 Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
 Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ..

И маршалы зова не слышать:
 Иные погибли въ бою,
 Другіе ему измѣнили
 И продали шнагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
 Сердито онъ взадъ и впередъ
 По тихому берегу ходитъ,
 И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
 Опору въ превратной судьбѣ:
 Ему общается полміра,
 А Францію только—себѣ

Но въ нѣтъ надежды и силы
 Угасъ его царственный сынтъ,
 И долго, его поджидая,
 Стоитъ императоръ одинъ—

Стоитъ онъ и тяжело вздыхаетъ.
 Пока озарится востокъ,
 И капаютъ горькія слезы
 Изъ глазъ на холодный песокъ.